ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

4

2011

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В тихом дачном поселке у Волги завелся свой скворушка — мальчонка, живущий без матери, растопил сердца всех родных и соседей.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
СКВОРУШКА

В июльскую жаркую пору гощу я обычно в Тверской области, у родственников на даче. Там — Волга и лес. Там ночная прохлада, дожди. Душе и телу отрада.

Так было и в этом году: поезд, потом — на автомобиле, сотня верст от Москвы. Вроде и близко, но машин развелось много; даже поздним вечером, в будний день, когда мы тронулись в путь. Но, слава богу, доехали.

Дача моих родственников на самом краю поселка. И в обычае хозяина, подъезжая, подать звуковой сигнал жене: мол, я рядом, выходи встречать.

Так было всегда, из года в год. А вот нынче подъехали мы, о себе не извещая. Хозяин сказал: «Поздно. Егорка уже спит. Еще разбудим, — и объяснил: — Соседский мальчик». Я не больно что понял. Не гудим, и слава богу. Тем более здесь: в дачных тиши и покое, порою вечерней.

Приехали, поздоровались, спать улеглись. А утром началась дачная жизнь: короткая прогулка ли, пробежка в сосновой роще; потом — долгое купание: Волга, ее тихие воды и тихие берега. Лишь на той стороне, в бору еловом, сосновом порою слышались музыка, звонкие голоса, звуки горна, каких-то команд — там детский лагерь.

Детский голосок, для меня неожиданно, зазвенел и рядом с нашим жильем, во дворе напротив. Голосок был тонкий, высокий. Мальчонка, словно скворушка, что-то пел и пел. Славная музыка.

Неволею я разулыбался и подошел к забору, поглядеть, что за голосистая птаха там объявилась.

А «птаха» была обычная: невеликий мальчик, которого бабушка, пожилая соседка, поутру обмывала, щедро поливая водой и оглаживая руками голенькое тельце с головы до пят. Мальчонка воды не боялся, он что-то говорил, говорил, а потом смолк, укутанный полотенцем. Унесла его бабушка в дом, продолжая обряд летнего дня, который лишь начинался.

Припомнив прошлые годы, сообразил я, что это за птенец. Обычно местные пересуды проходят мимо меня: чужая жизнь, а я — человек вовсе сторонний: побыл неделю-другую — и до свидания. Но что-то запоминалось.

Соседство через дорогу от нашего дома всегда было тихим. Хозяйничала там пожилая супружеская пара. Женщина в огороде возится, по дому хлопочет. Муж ее из тех, кого уважительно зовут

работягами. Худощавый, седой, жилистый, с утра до ночи он в непрестанных делах. Что-то лепит, строит, пристраивает, ремонтирует. Кирпич, цемент, песок, пила, молоток, доски… Перекуров у него не бывает. Разговоров особых не слышно. Ругни — тем более. И гостей у них прежде я никогда не видел. На выходные дни обычно ко многим приезжают из Москвы дети да внуки. Отдохнуть, покупаться. Шум да гам начинается. У этих соседей всегда тихо.

А потом вдруг объявилась молодая внучка. И пошла молва, все до тонкостей разъясняя. Родила внучка мальчика, замуж не выходя. Отец вроде уже немолодой, семейный, но обещал помогать. Такие обещания — дело обычное. Родила. А теперь приехала к бабке на лето, еще и потому, что молодую маму родители пилят и пилят, внука не признают и требуют сдать его в приют, чтобы не портить дочери жизнь.

Это было вроде недавно: разговоры, пересуды, охи да ахи. Ведь и впрямь ничего хорошего. Потом пересуды смолкли.

Соседство напротив жило все так же тихо: хозяйка в своих заботах; хозяин что-то строит да ладит с утра до ночи. Работящий мужик.

Малыша соседского я увидел на следующий год, как-то мельком, раз ли, другой, рядом с молодой мамой.

Мальчика никуда не отдали. Старики помогают: зимой, в городе, он больше у них живет, а уж летом — тем более на природе, на даче. Молодая мама работает, ей некогда. Ее родители внука, как и раньше, особо не жалуют. Такие вот дела.

Потом, слышу, объявилась другая забота: мальчик на ножки встал, ходит, бегает, а вот говорит совсем плохо. Больше молчит. Порою что-то мекает да мекекекает. Одним словом — беда.

Соседская округа, всколыхнувшись, снова вздыхала да охала. Судили-рядили: неладом все началось, неладом и будет катиться. Может, и впрямь надо было отдать мальчика в приют, не мучить старых людей: у прабабки — возраст, болезни, и супруг — ее не моложе и не здоровее.

Словом, судили да рядили, предрекая недоброе. А мальчик взял да и заговорил. Теперь поет и поет без останову.

Снова лето, макушка его — месяц июль: пора зелени, цвета и, конечно, купанья. Утренние часы да вечерние — время тихой воды — для людей пожилых. Днем детвора кипит на теплом мелководье. Радостный визг, бултыханье, брызги до неба; а потом теплый песочек для согрева, «куличики» из песка, ажурные дворцы и замки — все это — праздник лета.

Соседский мальчонка вместе со всеми. Он молотит по воде ножками, пытаясь плыть, от кого-то убегает, кого-то догоняет в

веере светлых брызг; порой окунается с головой, тут же выказывая мокрую сияющую мордаху.

— Не ныряй! — пальцем грозит ему бабушка, которая рядом, на посту.

Старая женщина не из тех, которые, молодясь, обряжаются в пляжные купальники да шляпы. Она по-простецки, по-бабьи повязывает голову белым платком, высоко подтыкает платье, обнажая незагорелую плоть. И стоит, словно цапля, по колени в воде. Подолгу стоит. Водичка теплая. Самое время детворе купаться. Это им в радость, и здоровью, конечно же, польза. Вот и стоит, приглядывая да остерегая правнука: «Не ныряй!»

По утрам они ходят за молоком в деревню, через поле. Возвращаются не только с полным бидончиком, но еще и с букетом цветов. Когда-то поле было колхозным. Помню, росла там рожь, потом сеяли кормовые травы — люцерну да клевер — для колхозных коров. Теперь о колхозе лишь давняя память. На поле разливы розового кипрея, ромашки, местами — куртины зверобоя, горошка. Вот и возвращается малыш с ярким букетом.

— Деда, мы цветочков тебе принесли, — сообщает он. — К-а-сивые…

Потом приходит и проходит время купанья и время отдыха, когда мальчик спит, умаявшись. А потом снова звенит и звенит в соседском дворе; теперь уже до темна:

— Деда, я тебе помогать буду! Я твой помощничек! Тебе без меня трудно!

— Конечно трудно… — подтверждает дед.

У хорошего хозяина на своем подворье дел хватает. Нынче старик, какой уже день, занимается цоколем дома и отмосткой: просеивает на грохоте песок, месит раствор, заливает да затирает.

Мальчонка крутится рядом, вроде помогая, но больше, конечно, мешая.

— Измажется весь… — укоряет бабушка.

— Отмоется, воды много, — заступается дед.

— Я отмоюсь! — обещает внук. — Мы с дедом на речку пойдем!

Вспоминаю, как недавно еще судила округа: «А деду он вовсе не нужен. В таких годах, да с таким характером…»

Оказалось, что нужен. Сжились, теперь уже навсегда, старый да малый.

Такая вот жизнь…

Мой родственник, у которого я гощу, — человек далеко не чувствительный, прагматичный и строгий; но даже он, заслышав голос мальчика, теплеет лицом, роняет: «Егорка… Заговорил…» И отменились вечерние звуковые сигналы при подъезде к даче.

Супруга его — тоже человек непростой — в субботние дни, отбывая на городской рынок, заходит к соседке, спрашивает: «Чего надо купить?» Покупает, привозит. Прежде такого не бывало.

Живет по соседству не больно людимая старуха. Ее любовь — уродливая, на мой взгляд, собака породы шарпей, которая дни напролет спит и спит; и большущая грядка огурцов, с которой хозяйка кохается дни напролет, укрывая, поливая и разговаривая: «Цветете, а не завязываетесь… Чего вам надо? Я вам все предоставила». Родная дочь приезжает к ней редко. Суровая старуха.

И вдруг с удивлением слышу, словно не ее, такой мягкий голос:

— Чего не приходили вчера? А? Егорка? Я и крапиву посекла у калитки, не будет тебя теперь кусать. — В голосе ее нет упрека, лишь огорченье. — Ждала вас, ждала…

— Мы купались! — звонко отвечает мальчик, и бабушка вторит ему, что-то объясняя соседке.

— Нынче буду ждать. — Это новое приглашенье. — Приходите. Вечера длинные. Сидишь да сидишь…

Вечера нынче долгие, светлые. Но месяц июль понемногу уходит, скоро конец ему. Уже рядом — август. Лето жаркое, но после Ильина дня в эти края придут холодные ночи, остынет вода. Нынешнее лето не будет долгим. Скворцы, подняв на крыло молодых, сбились в шумные стаи, оставив людские селенья. Теперь они кормятся в полях. Лишь в нашем невеликом дачном поселке поет и поет скворушка — ясноглазый, загорелый мальчонка. Поет и поет на радость всем.